

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка

Л. Н. Рожина

**МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
ПСИХОЛОГИИ**

Учебно-методическое пособие в трех частях

Часть 1

3-е издание, исправленное и дополненное

Минск 2003

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
СЕМИНАРСКОЕ ЗАНЯТИЕ НА ТЕМУ: "ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ. ПСИХИКА В СВЕТЕ ТЕОРИИ ОТРАЖЕНИЯ".....	7
I. Задания к семинарскому занятию.....	7
II. Вопросы к семинарскому занятию.....	7
III. Литература.....	8
IV. Формы работы с литературой.....	9
V. Практические задания.....	9
VI. Сценарий обобщающего семинарского занятия по теме: "Предмет психологии. Психика в свете теории отражения".....	11
VII. Неосознаваемые процессы. Теоретические и практические задания. Вопросы для обсуждения.....	17
VIII. Задания для контроля и самоконтроля.....	25
ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ.	
Сенсорно-перцептивные процессы.....	28
I. Вопросы и задания к семинарскому занятию.....	28
II. Индивидуальные задания (по выбору студентов).....	28
III. Литература.....	29
IV. Задачи и упражнения.....	30
V. Задания для письменного контроля.....	33
VI. Ощущения. Теоретические и практические задания. Вопросы для обсуждения.....	33
VII. Восприятие. Теоретические и практические задания. Вопросы для обсуждения.....	40
VIII. Практические задания с элементами психодиагностики и коррекции.....	42
Резюме.....	54
ПСИХОЛОГИЯ ОЩУЩЕНИЙ В НАУКЕ И ИСКУССТВЕ (Материалы к лекции).....	60
ПСИХОЛОГИЯ ОБОНЯТЕЛЬНЫХ ОЩУЩЕНИЙ (ХУДОЖЕСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ).....	121
СНЕГ ИДЕТ... ИЛИ ЖИЗНЬ И СМЫСЛ БЫТИЯ	
Личностное развитие посредством формирования художественной картины мира.....	172
Приложение 1.....	191
Приложение 2.....	193
Приложение 3.....	195
Приложение 4.....	197
Приложение 5.....	202
Приложение 6.....	203
Приложение 7.....	206
Приложение 8.....	208
Приложение 9.....	209

Приложение 10.....	213
Приложение 11.....	217
Приложение 12.....	223
Приложение 13.....	224
Приложение 14.....	232
Приложение 15.....	238
Приложение 16.....	242
ЛИТЕРАТУРА.....	245

Приложение 1

• Потом, когда село солнце, прошло междунарствие сумерек, синяя ночь наступила. И в раскрытые, гигантские окна взглянули иные миры, плавно протекающие по кругам, золотясь, мерцая. Как далекий, голубоватый призрак, провела Вега свою Лиру.

• – Прямо над домом, вон там, – сказал Христофоров, указывая рукой, – голубая звезда Вега, альфа созвездия Лиры. Она идет к закату...

– У меня есть вера, быть может, и странная для другого: что эта звезда – моя звезда-покровительница. Я под нею родился. Я ее знаю и люблю. Когда ее вижу, то спокоен. Я замечаю ее первой, лишь взгляну на небо. Для меня она – красота, истина, божество. Кроме того, она женщина. И посылает мне свет любви.

• Христофоров глядел вверх, как в этих глубинах, темно-синих, являлись золотые звезды, вновь пропадали под облаками, вновь выныривали.

• Христофоров лег на землю... Голубая бездна была над ним, с каждой минутой синяя и отчетливей показывая звезды. Закат гас. Вот разглядел он свою небесную водительницу, стоявшую невысоко, чуть сиявшую золотисто-голубоватым светом. Понемногу все небо наполнилось ее эфирной голубизной, сходящей на землю. Это была голубая Дева. Она наполняла собою мир, проникала дыханием стебелек зеленой, атомы воздуха. Была близка и бесконечна, видима и неуловима. В сердце своем соединяла все облики земных любвей, все прелести и печали, все мгновенное, летучее – и вечное. В ее божественном лице была всегдашняя надежда. И всегдашняя безнадежность.

Б. Зайцев. Голубая звезда

• Над домами и пальмами висели гирлянды звезд.

• В недрах ночи беспрестанно вспыхивали тысячи звезд, и их сверкающие льдинки, едва возникнув, начинали незаметно скользить вниз, к горизонту. Жанин не могла оторвать глаз от этих блуждающих огней. Ее кружило вместе с ними, и этот недвижный хоровод погружал ее в сокровенные глубины ее естества, где теперь желание боролось с холодом. Звезды падали одна за другой и гасли среди камней пустыни, и с каждым разом все существо Жанин все больше раскрывалось навстречу ночи.

• Последние созвездия, сбросив гроздь своих огней, соскользнувших куда-то вниз к самому краю пустыни, неподвижно застыли в небе.

Из произведений А. Камю

• И голубые зарева звезд, медленно подымавшихся над горами своей вечной и ослепительной чредой.

• И одна-единственная, страшно отдаленная звезда блестела в небе, похожем на туман, – печальная звезда, спутница кораблей.

• Знакомая синяя звезда взошла над краем леса.

Как всегда, начался спор: что это – Юпитер или какая-нибудь другая звезда? Она несла свой мерцающий огонь над темными вершинами сосен, песчаными холмами, заросшими вереском, над тесовыми крышами и скворечниками – над всем этим лесным краем, несла, прокладывая свой медленный путь среди созвездий и как бы подчеркивая ясность и прохладу ночи.

• Осенью, как водится, бывает по ночам много падающих звезд. В давние-давние времена люди выдумывали про эти звезды всякую всячину. То будто чистые души младенцев слетают к нам на грешную землю, то будто сиротка уронила с неба ворох райских цветов. Но больше всего люди верили в то, что падающие звезды приносят счастье. Стоит только подумать, пока не погасла звезда, самое заветное свое желание, и оно будто бы непременно исполнится.

Из произведений К. Паустовского

• Григорий закрывает глаза, кладет ладони не шероховатую землю и долго, не мигая, глядит, как за поломанной сосной на окраине неба голубой нарядной бабочкой трепещет в недвижном полете Полярная звезда.

• В зените пламенной горели звезды, плотнела темь, и уже горбатился над болотом полуночный туман.

• В зените пламенной горели звезды...

• С черного неба глядели желто-зеленые невызревшие черешни звезд.

• Иступленно горели и дрожали на плюшевом небе зернистые, как свежеперевеянные, звезды.

• В ночь эту, обрызганную молочным светом бледно-желтых звезд...

• Вороное небо полосовали падучие звезды. Падала одна, и потом долго светлел ворсистый след, как на конском крупе после удара кнутом.

• ...пшеничная россыпь звезд гнила на сухом, черноземно-черном небе, не всходя и не радуя ростками...

• В черном небе – золотая россыпь мерцающих звезд.

М. Шолохов. Тихий Дон

Приложение 2

• ...в этот вечер он сидел истощенный до дна, отупевший. Все в доме спали. Окно его комнаты было открыто. Ни одного дуновения ветерка. Темные тучи сдавливали небосвод. Кристоф бессмысленно глядел на свечу, догорающую в подсвечнике. Он не мог заставить себя лечь. Не думал ни о чем. Он чувствовал, как это небытие становится поистине бездонным; старался не видеть бездны, грозившей его поглотить, и невольно склонялся над нею, погружал взоры в темные ее глубины. Там, в пустоте, шевелился хаос, громоздился мрак. Кристофа охватил ужас, по спине прошла дрожь, кожа покрылась пупырышками, как от холода, он вцепился в край стола, чтобы не упасть. Это было мучительное ожидание того, что не имело имени, — чуда, бога...

Вдруг словно раскрылись шлюзы, и на улице, за его спиной, хлынули потоки воды, застучали тяжелые, щедрые, прямые струи. Неподвижный воздух дрогнул. Сухая и твердая земля зазвенела, как колокол. И могучие запахи земли, пышущей животным жаром, аромат цветов, плодов, влюбленной плоти дошел до него в яростной спазме наслаждения. Кристоф, почти галлюцинируя, напрягся всем телом, чувствуя, как напрягаются его внутренности. Он затрепетал... Завеса разодралась. Ослепительный свет! При блеске молнии в глубине ночи он увидел бога, он стал богом. Бог был в нем самом. Он разбил потолок комнатухи, стену дома; подались тесные оковы человеческого существа: он заполнил все небо, всю вселенную, небытие. Мир хлынул из него водопадом. В ужасе и восторге перед этим крушением Кристоф падал тоже, уносимый ураганом, который дробил и сметал, как соломинки, все законы природы. Он с трудом переводил дыхание, он опьянел от этого низвержения в пределы бога... Бог — бездна! Бог — пропасть! Костер бытия! Ураган жизни! Все безумие жизни, без цели, без узды, без смысла, — ради самого иступления жизни!

... за этим приступом мистического бреда последовали и другие; правда, никогда не достигали они такой силы, как в первый раз. И приходили они тогда, когда Кристоф не ждал их; краткий миг, такой краткий, такой внезапный, не успеешь поднять глаза, протянуть руку — и видение исчезло, прежде чем Кристоф мог опознать его; и он недоуменно спрашивал себя: уж не пригрезилось ли это ему? В ту ночь горел ослепительным светом метеор, а теперь по следу его пролетала светящаяся пыль, пробегали крохотные огоньки, такие быстрые и маленькие, что глаз не успевал проследить их бег. Но появлялись они все чаще и чаще; и, наконец, они окружили Кристофа кольцом неугасимых, но неясных мечтаний, ускользавших от сознания.

Р. Роллан. Жан-Кристоф

• Какое-то неприятное чувство щемило ей сердце, когда она встретила его упорный и усталый взгляд, как будто она ожидала увидеть его другим. В особенности поразило ее чувство недовольства собой, которое она испытала при встрече с ним. Чувство то было давнишнее, знакомое чувство, похожее на состояние притворства, которое она испытывала в отношениях к мужу; но прежде она не замечала этого чувства, теперь она ясно и больно сознала его.

• "Чего же мне стыдно?" — спросила она себя с оскорбленным удивлением. Она оставила книгу и откинулась на спинку кресла, крепко сжав в обеих руках разрезной ножик. Стыдного ничего не было. Она перебирала все свои московские воспоминания. Все были хорошие приятные. Вспомнила бал, вспомнила Вронского и его влюбленное покорное лицо, вспомнила все свои отношения с ним: ничего не было стыдного. А вместе с тем на этом самом месте воспоминаний чувство стыда усиливалось, как будто какой-то внутренний голос именно тут, когда она вспоминала о Вронском, говорил ей: "Тепло, очень тепло, горячо". "Ну что же? — сказала она себе решительно, пересаживаясь в кресле. — Что же это значит? Разве я боюсь взглянуть прямо на это? Ну что же? Неужели между мной и этим офицером-мальчиком существуют и могут существовать какие-нибудь другие отношения, кроме тех, что бывают с каждым знакомым?" Она презрительно усмехнулась и опять взялась за книгу, но уже решительно не могла понимать того, что читала. Она провела разрезным ножом по стеклу, потом приложила его гладкую и холодную поверхность к щеке и чуть вслух не засмеялась от радости, вдруг беспричинно овладевшей ею. Она чувствовала, что нервы ее, как струны, натягиваются все туже и туже на какие-то завинчивающиеся колышки. Она чувствовала, что глаза ее раскрываются больше и больше, что пальцы на руках и ногах нервно движутся, что в груди что-то давит дыханье и что все образы и звуки в этом колеблющемся полумраке с необычайною яркостью поражают ее. На нее беспрестанно находили минуты сомнения, вперед ли едет вагон, или назад, или вовсе стоит. Аннушка ли подле нее или чужая? "Что там, на ручке, шуба ли это или зверь? И что сама я тут? Я сама или другая?" Ей страшно было отдаваться этому забвению. Но что-то втягивало в него, и она по произволу могла отдаваться ему и воздерживаться.

Л. Толстой. Анна Каренина

Приложение 3

• Сначала Нехлюдов боролся, но бороться было слишком трудно, потому что все то, что он, веря себе, считал хорошим, считалось дурным другими, и, наоборот, все, что, веря себе, он считал дурным, считалось хорошим всеми окружающими его. И кончилось тем, что Нехлюдов сдался, перестал верить себе и поверил другим. И в первое время это отречение от себя было неприятно, но продолжалось это неприятное чувство очень недолго, и очень скоро Нехлюдов, в это же время начав курить и пить вино, перестал испытывать это неприятное чувство и даже почувствовал большое облегчение.

• С первого же дня, как он увидел Катюшу, Нехлюдов почувствовал прежнее чувство к ней. Так же, как и прежде, он не мог без волнения видеть теперь белый фартук Катюши, не мог без радости слышать ее походку, ее голос, ее смех, не мог без умиления смотреть в ее черные, как мокрая смородина, глаза, особенно когда она улыбалась, не мог, главное, без смущения видеть, как она краснела при встрече с ним. Он чувствовал, что влюблен, но не так, как прежде, когда эта любовь была для него тайной, и он сам не решался признаться себе в том, что он любит, и когда он был убежден в том, что любить можно только один раз, — теперь он был влюблен, зная это и радуясь этому и смутно зная, хотя и скрывая от себя, в чем состоит любовь и что из нее может выйти.

В Нехлюдове, как и во всех людях, было два человека. Один — духовный, ищущий блага себе только такого, которое было бы благо и других людей, и другой — животный человек, ищущий блага только себе и для этого блага готовый пожертвовать благом всего мира. В этот период его сумасшествия эгоизма, вызванного в нем петербургской и военной жизнью, этот животный человек властвовал в нем и совершенно задавил духовного человека. Но, увидав Катюшу и вновь почувствовав то, что он испытывал к ней тогда, духовный человек поднял голову и стал заявлять свои права. И в Нехлюдове, не переставая, в продолжение этих двух дней до пасхи шла внутренняя, не сознаваемая им борьба.

В глубине души он знал, что ему надо ехать и что незачем теперь оставаться у теток, знал, что ничего из этого не могло выйти хорошего, но было так радостно и приятно, что он не говорил этого себе и оставался.

• В глубине, в самой глубине души он знал, что поступил так скверно, подло, жестоко, что ему, с сознанием этого поступка, нельзя не только самому осуждать кого-нибудь, но смотреть в глаза людям, не говоря уже о том, чтобы считать себя прекрасным, благородным, великодушным молодым человеком, каким он считал себя. А ему нужно было считать себя таким для того, чтобы продолжать бодро и весело жить. А для этого было одно средство: не думать об этом. Так он и сделал.

• Маслова никак не ожидала увидеть его, особенно теперь и здесь, и потому в первую минуту появление его поразило ее и заставило вспомнить о том, чего она не вспоминала никогда. Она в первую минуту вспомнила смутно о том новом чудном мире чувств и мыслей, который открыт был ей прелестным юношей, любившем ее и любимым ею, и потом об его непонятной жестокости и целом ряде унижений, страданий, которые последовали за этим волшебным счастьем и вытекали из него. И ей сделалось больно. Но, не будучи в силах разобраться в этом, она поступила и теперь, как поступала всегда: отогнала от себя эти воспоминания...

Л. Толстой. Воскресение

Приложение 4

* * *

Это было? Неужели?
Нет! и быть то не могло.
Звезды рдели на постели,
Было в сумраке светло.

Обвивались нежно руки,
Губы падали к губам...
Этот ужас, эти муки
Я за счастье не отдам!

Странно-нежной и покорной
Приникала ты ко мне, –
И фонарь, сквозь сумрак черный,
Был так явственен в окне.

Не фонарь, – любовь светила,
Звезды сыпала светло...
Неужели это было?
Нет! и быть то не могло!

* * *

Полутемное окошко
Освети на миг свечой
И потом его немножко
Перед лестницей открой.

Я войду к тебе, волнуем
Прежним трепетом любви;
Встреть меня ты поцелуем,
Снова милым назови.

Страстной ласке мы сначала
Отдадимся горячо,
А потом ко мне устало
Ты поникнешь на плечо.

И в чарующей истоме,
Под покровом темноты,
Все для нас потонет – кроме
Упоительной мечты.

* * *

Слезами блестящие глазки,
И губки, что жалобно сжаты,
А щеки пылают от ласки,
И кудри запутанно-смяты.

В объятьях – бессильно покорна,
Устало потуплены взоры,
А слез бриллианты упорно
Лепечут немые укоры.

* * *

Есть древняя чистая ласка,
Прекрасней, чем буйная страсть:
Есть ласка святая, как сказка,
И есть в ней нездешняя власть.

Ее неземное значенье
Не тот на земле разгадал,
Кто, в дикой игре наслажденья,
Любовницы грудь целовал;

Не тот, кто за дымкой прозрачной
Ловил очарованный взгляд
И после в уста новобрачной
Вливал обольстительный яд.

Но кто уловил, хоть однажды,
Таинственный зов чистоты, –
Ничем не обманет он жажды
Своей озаренной мечты.

Он будет блуждать и томиться,
Искать отражений во мгле,
И прошлому свету молиться,
И жить неземным на земле.

Но в нашем вседневном тумане
Мечтам повторения – нет,
И только за гранью желаний
Мы встретим желанный ответ!

* * *

Когда мы бывали
Томительно сцеплены
(И губы, и руки,
И груди, и плечи),
Изнемогая
В сладостной муке, —
Кем-то затеплены,
Строгие свечи —
Отсветы рая —
В небе мерцали
Перед иконами,
Ангелы пели
Гимны хвалений
За небосклонами,
И нежились тени,
Как в девичьей постели,
Над полями зелеными.

* * *

Она прошла и опьянила
Томящим сумраком духов
И быстрым взглядом оттенила
Возможность невозможных снов.

Сквозь уличный железный грохот
И пьян от синего огня,
Я вдруг слышал жадный хохот,
И змеи оплели меня.

В моих глазах еще синела
Небес вечерних полумгла,
Но теплота чужого тела
Меня объяла и прожгла.

И в ужасе борьбы упорной,
Меж клятв, молений и угроз,
Я был опутан влагой черной
Ее распущенных волос.

* * *

Твои уста, покорные моим,
Ласкательны, податливы и влажны.
Я ими упоительно томим.
Исполнены они узывной жажды...
Сквозь них в мои струится сладкий сок, —
И вздрагивает отзвуком нерв каждый.
О, если б ими захлебнуться мог!

Ах, взять тебя и трудно и легко...
Не брать тебя — и сладостно, и трудно...
Хочу тебя безбрежно, глубоко!

О, влей в глаза мне взор свой изумрудный!
Вонзи в уста мне острые уста!
Прости мой жест, в моем бесстыдстве чудный.
Ведь страсть чиста! Пойми ведь.

.....
Вот пятый год, как ты мне дорога,
А страсть юна, — как прежде, неизбывна,
И нас влекут по-прежнему луга.
По-прежнему стремлюсь к тебе порывно,
Все нови открываю с каждым днем...
О, наша связь навеки неразрывна,
И страсть бессмертным зажжена огнем.

* * *

Ее уста сближаются с моими
В тени от барбарисного куста,
И делают все чувства молодыми
Ее уста.

И снова жизнь прекрасна и проста,
И вновь о солнечном томится Крыме
С ума сводящая меня мечта!

Обрадованный, повторяю имя
Благоуханное, как красота,
И поцелуями томлю своими
Ее уста...

* * *

В поздний час мы были с нею в поле.
Я, дрожа, касался нежных губ...
"Я хочу объятия до боли,
Будь со мной безжалостен и груб!"

Утомясь, она просила нежно:
"Убаюкай, дай мне отдохнуть,
Не целуй так крепко и мятежно,
Положи мне голову на грудь".

Звезды тихо искрились над нами,
Тонко пахло свежестью росы.
Ласково касался я устами
До горячих щек и до косы.

И она забылась. Раз проснулась,
Как дитя, вздохнула в полусне,
Но, взглянувши, слабо улынулась
И опять прижалась ко мне.

Ночь царила долго в темном поле,
Долго милый сон я охранял...
А потом на золотом престоле,
На востоке, тихо засиял

Новый день, – в полях прохладно стало...
Я ее тихонько разбудил
И в степи, сверкающей и алой,
По росе до дому проводил.

Приложение 5

• В саду необыкновенно светло, золотисто: лето сухое, деревья поредели и подсохли, много подсолнухов по забору, кисло трещат кузнечики, и кажется, что и от этого треска исходит свет – золотистый, жаркий.

• Зажмуришься и вдыхаешь – такая радость! Такая свежесть, вливающаяся тонко-тонко, такая душистая сладость-крепость – со всеми запахами согретого сада, замаятой травы, растревоженных теплых кустов черной смородины. Нежаркое уже солнце и нежное голубое небо, сияющее в ветвях, на яблочках...

• Мы сидим в замаятой траве; пахнет последним летом, сухой горечью, яблочным свежим духом; блестят паутинки на крапиве, льются-дрожат на яблоньках. Кажется мне, что дрожат они от сухого треска кузнечиков.

• Синеватый рассвет белеет. Снежное кружево деревьев легко, как воздух. Плавает гул церковный, и в этом морозном гуле шаром всплывает солнце. Пламенное оно, густое, больше обыкновенного: солнце на Рождество. Выплывает огнем за садом. Сад – в глубоком снегу – светлеет, голубеет. Вот побежало по верхушкам; иней зарозовел; розово зачернелись галочки, проснулись; брызнуло розоватой пылью, березы позлатились, и огненно-золотые пятна пали на белый снег. Вот оно, утро Праздника, – Рождество.

В детстве таким явилось – и осталось.

• Ветерок сыроватый, мягкий, пыхнет печеным хлебом, вкусным дымком березовым, блинами.

• И я нюхаю вербу: горьковато-душисто пахнет, лесовой горечью живою, дремуче-дремучим духом, пушинками по лицу щекочет, так приятно. Какие пушинки нежные, в золотой пыльце... – никто не может так сотворить, Бог только. Гляжу – а у Горкина слезы на глазах. И я заплакал, от радости... будто живая верба! И уж сумерки на дворе, звездочки стали выходить, а у лужи совсем светло, будто это от вербы – свет.

• Тычутся отовсюду вербы, пахнет горьким вербным дымком... дремучим духом?.. Ах, радостный-горьковатый запах, чудесный, вербный! И в этом запахе что-то такое светлое, такое... такое... – было сегодня утром, у нашей лужи, розово-живое в вербе, в румяном голубоватом небе... – вдруг осветило и погасло.

• Рожок его был негромкий, мягкий. Играл он жалобное, разливное, – не старикову, другую песню, такую жалостную, что щемило сердце. Приятно, сладостно было слушать – так бы вот все и слушал.

• Какое утро!.. Окна открыты в тополь, и в нем золотисто-зелено. Тополь густой теперь, чуть пропускает солнце, на полу пятна-зайчики, а в тополе такой свет, сквозисто-зеленоватый, живой, – будто бы райский свет.

Из произведений И. Шмелева

БУКЕТ

Я их как собирал?
Колокольчик чтоб был к колокольчику,
Василек к васильку,
И ромашка к ромашке была.
Мне казалось, что будет красивей букет.
Если только одни васильки,
Или только одни колокольчики.
Или только ромашки одни
Соберутся головка к головке.
Можно стебли подрезать и в воду поставить в стакан.

Постепенно я понял,
Что разных цветов сочетание
(Ярко-желтого с белым,
Василькового с белым и желтым,
Голубого с лиловым,
Лилового с чуть розоватым)
Может сделаться праздником летних полуденных красок,
Может сделаться радостью. Надо немного условий:
Просто капельку вкуса
Или, может быть, капельку зренья –
И букет обеспечен. Хватает в июне цветов!
Так я их собирал. Но
(Во всем виновата незрелость)
Я наивно считал,
Что простые, невзрачные травы
(Это кажется нам, будто травы бывают невзрачны)
Недостойны приблизиться
К чистым, отборным и ясным,
Собираемым мною в букет, удостоенных чести цветам.
Обходил я пырей,
Обходил я глухую крапиву,
"Лисий хвост" обходил, и овсюг, и осот полевой,
И пушицу,
И колючий,
Полыхающий пламенем ярим,
Безобразный, бездарный татарник.
Им конечно, хотелось. А я говорил с укоризной:
"Ну, куда вы?
Вот ты, щавеля лопухого стебель,

Полюбуйсь на себя, ну куда ты годишься?
Разве сор подметать?
Ну, допустим, тебя я сорву..."
И затем,
Чтоб совсем уж растение это унижить,
Я сорвал
И приставил метельчатый стебель к букету,
Чтобы вместе со мной все цветы на лугу посмеялись
Сочетанью ужасному розовой "раковой шейки"
И нелепой метелки.
Но...
Не смеялся никто.
Даже больше того (что цветы!), я и сам не смеялся.
Я увидел, как ожил, как вдруг засветился букет,
Как ему не хватало
Некрасивого, в сущности, длинного, грубого стебля.
Я крапиву сорвал,
Я приставил к букету крапиву!
И – о чудо! – зеленая, мощная сочность крапивы
Озарила цветы.
А ее грубоватая сила
Оттенила всю нежность соседки ее незабудки,
Показала всю слабость малиновой тихой гвоздички,
Подчеркнула всю тонкость, всю розовость "раковой шейки".
Стебли ржи я срывал, чтоб торчали они из букета!
И татарник срывал, чтоб симметрию к черту разрушить!
И былинник срывал, чтобы мощи косматой добавить!
И поставил в кувшин,
И водой окатил из колодца,
Чтобы влага дрожала, как после дождя проливного.
Так впервые я создал
Настоящий,
Правдивый букет.

В. Солоухин

• Рождество...

Чудится в этом слове крепкий, морозный воздух, льдистая чистота и снежность. Самое слово это видится мне голубоватым. Даже в церковной песне –

Христос рождается – славите!
Христос с небес – срящите! –
слышится хруст морозный.

• Масленица... Я и теперь еще чувствую это слово, как чувствовал его в детстве: яркие пятна, звоны – вызывает оно во мне; пылающие печи, синеватые волны чада, в довольном гуле набравшегося люда, ухабистую снежную дорогу, уже замаслившуюся на солнце, с ныряющими по ней веселыми санями, с веселыми конями в розанах, в колокольцах и бубенцах, с игривыми переборами гармоньки. Или с детства осталось во мне чудесное, не похожее ни на что другое, в ярких цветах и позолоте, что весело называлось – "масленица"?

- Широкое А, и глубокое У,
И смутное М, вместе с Л во влюбленье,
Сливались...

* * *

- Я вся – тона жемчужной акварели,
Я бледный стебель ландыша лесного,
Я легкость стройная обвисшей мягкой ели,
Я изморозь зари, мерцанье дна морского...

Я жидкий блеск икон в дрожащих струйках дыма,
Я шелест старины, скользящей мимо,
Я струйка белая угаснувшей метели,
Я бледные тона жемчужной акварели.

* * *

- Ты вся, ты вся такая сборная:
Стрекозка, змейка и вампир.
Златая, алая, лазорная,
Вся – пост и вакханальный пир.
- Свет не слепит, упоительный, чистый,
Словно в раю...

ПАУЛЬ ПОТТЕР

Кромешно-серых туч тягучая печаль,
Всего грустней прорех лазурная эмаль,
Там солнце тихо льет на зябнущую даль
Потоки теплых слез сквозь мороси вуаль;
Угрюмый Поттер, скорбь морщинистой равнины,
Ни красок ни домов, ни края ни конца,
Пожухлая трава и голые куртины,
Намокшие стога, ни птиц, ни деревьев;
Работник с ведрами бредет, его кобыла
Понуро тащится, жуя чертополох,
Мотает головой, ржет громко и уныло
В ответ на тяжкий злой разбойный ветра вздох.

АНТУАН ВАН ДЕЙК

Гордыня нежных душ, спокойное величье
Улыбок, взглядов, шляп и буковых аллей,
Высокий слог сердец, забытое обличье
Высокородных дам и юных королей.
Но царь тут ты, Ван Дейк, хоть церемонны нравы,
Заучен плавный жест и благородна грусть,
Но тленна прелесть лиц, им невдомек – и пусть! –
Что их бессмертье – тень твоей бессмертной славы.
Застыли всадники под соснами у волн,
И так же тих прилив, и так же грусти полн.
Задумчив мальчик-принц – серьезен строгий взор,
Берет с лихим пером и кудри на пробор,
Лишь ледяной брильянт сверкает на камзоле
Непролитой слезой сокрытой в сердце боли;
Но ты прекрасней всех, гуляка в голубом,
Беспечный кавалер с лепным высоким лбом;
Горячий спелый плод подброшен на ладони,
Сорочка пышная на странно темном фоне, –
Щемящая печаль в изяществе твоём.
Меня твой грустный смех тревожит и поныне,
Дюк де Ричмонд – дитя, безумец иль сатир, –
Философ и позер, – у ворота сапфир
Как твой горящий взгляд полн беспросветной сини.

ШОПЕН

Шопен, кипенье слез, зыбь вздохов, крыльев взмах,
 Рой бабочек-ночниц висит над пенным морем,
 Купаясь в пенье и танцуя на волнах.
 Тоскуй, грусти, чаруй, пьяни, пленяя горем,
 Оплел, обвил печаль твоей мечты выюнок,
 По прихоти твоей скользя на крыльях боли,
 Так от цветка к цветку порхает мотылек,
 И пьет нектар потерь, и вьется в чистом поле,
 Мелодию ведя от слез на волосок.
 Приятель лун и гроз, прекрасный принц печали,
 Вновь грустной радостью горит твой воспаленный взор,
 Вновь, плача и смеясь, бел, хрупок как фарфор,
 Следишь, как солнца луч искрится на рояле,
 И озаряет вдруг, скользнув сквозь жалюзи,
 Улыбку горечи, надежды две слезы.

МОЦАРТ

Баварский властелин коленопреклонно
 От итальянки не отводит страстный взгляд,
 И тусклый взор горит, шумит промозглый сад,
 Мерцают кружева как солнечная пена.

Германская душа – глубокий долгий вздох –
 Познала прелесть грез и сладость томной лени, –
 Любить, любимым быть, – забвеньем веет мох,
 Бессильно падают ладони на колени.

Вздох Керубино¹ и усмешка Дон Жуана!² –
 Бессмертный смех звенит в шпалерах темных роз,
 И дышат зноем, – но все жарче струйки слез, –
 Сад Андалузии и древняя Тоскана.

В нерманском парке, как туман, стоит печаль,
 На итальянке вновь Царицы Ночи³ шаль,
 Дыханье легкое хранит, как песню, лес,
 С волшебной флейты вновь в серебряную тень
 Струится медленно погожий долгий день,
 Прощальный холодок шерbeta, губ, небес.

Мутер: Особенно завораживает зрителя демоническая обворожительность этой улыбки. Сотни поэтов и писателей писали об этой женщине, которая кажется то обольстительно улыбающейся, то застывшей, холодно и бездушно смотрящей в пространство, и никто не разгадал ее улыбку, никто не истолковал ее мысли. Все, даже пейзаж, таинственны, подобно сновидению, трепетны, как предгрозовое море чувственности.

Мюнц: Все знают, какую неразрешимую загадку вот уже скоро четыреста лет загадывает Мона Лиза поклонникам, толпящимся перед образом ее. Никогда дотоле художник не выразил сущность женственности (я привожу строки, записанные утонченным писателем, скрывающимся за псевдонимом Пьера Корле): "нежность и скотство, стыдливость и затаенное сладострастие, великая тайна сердца, обуздывающего себя, ума рассуждающего, личность, замкнутая в себе, оставляющая другим созерцать лишь блеск ее".

А. Конти: Женщина улыбалась в царственном спокойствии: ее завоевательские, звериные инстинкты, все наследие биологического вида, стремление соблазнить, заманить в ловушку, тонкость обмана, доброта, скрывающая жестокое намерение, – все это то появлялось, то исчезало под покровом улыбки, смешивалось и растворялось в поэме ее улыбки... Добрая и злая, жестокая и сострадающая, изящная и по-кошачьи хищная, она смеялась...

¹ Керубино – один из героев оперы Моцарта "Свадьба Фигаро".

² Дон Жуан – герой оперы Моцарта Дон Жуан.

³ Царица Ночи – героиня оперы Моцарта "Волшебная флейта".

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б. Г. Сенсорно-перцептивная организация человека. Познавательные процессы. – М.: Педагогика, 1982.
2. Андреев Д. Л. Русские боги. – М.: Современник, 1989.
3. Анненский И. Стихотворения и трагедии. – Л.: Сов. писатель, 1990.
4. Асафьев Б. В., Рахманинов С. В. Воспоминания о Рахманинове. Т. 2. – М., 1967.
5. Апухтин А. Н. Стихотворения. Проза. – М.: Худ. лит-ра, 1985.
6. Артюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999.
7. Ахматова А. Сочинения. В 2 т. – М.: Цитадель, 1999.
8. Багданович М. Маладая гады. – Мн.: Мастацкая літаратура, 2001.
9. Бальмонт К. Избранное. – М.: Правда, 1991.
10. Бальмонт К. Д. Светлый час. – М.: Республика, 1992.
11. Белый А. Сочинения. В 2 т. – М.: Худ. лит-ра, 1990.
12. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания. Собр. соч. Т. 1. – М.: Московский клуб, 1992.
13. Блок А. А. Стихотворения. Поэмы. Театр. – М.: Худ. лит-ра, 1968.
14. Брунер Д. Психология познания. За пределами непосредственной информации. – М.: Прогресс, 1977.
15. Брюсов В. Собрание сочинений. В 7 т. – М.: Худ. лит-ра, 1973.
16. Бунин И. А. Собрание сочинений. В 9 т. – М.: Худ. лит-ра, 1965.
17. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. – М.: Прогресс, 1988.
18. Веккер А. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М.: Смысл, 1999.
19. Вейс Д. Возвышенное и земное. – Мн.: Вышэйшая школа, 1986.
20. Верлен П. Романы без слов. – СПб.: Терция; Кристалл, 1999.
21. Вийон Ф. Я знаю все, но только не себя. – М.: Эксмо-пресс, 1999.
22. Волошин М. Избранное. – Мн.: Маст. літ-ра, 1993.
23. Гиппенрейтер Ю. Б. Введение в общую психологию. – М.: Педагогика, 1989.
24. Голдстейн М., Гольдстейн И. Ф. Как мы познаем. – М.: Знание, 1984.
25. Горький М. Собр. соч. В 18 т. Т. 2. – М.: Худ. лит-ра, 1960.
26. Гостев А. А. Образная сфера человека. – М.: Ин-т психологии РАН, 1999.
27. Гумилев Н. Собр. соч. – М.: Олма-пресс, 2000.
28. Два Апполона (Майков и Григорьев). Избранное. – Р-на/Д.: Феникс, 1993.
29. Джойс Дж. Улисс. – СПб.: Кристалл, 2001.
30. Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 30 т. Т. 6. – Л.: Наука, 1973.
31. Есенин С. Собр. соч. В 2 т. – Мн.: Маст. літ-ра, 1992.
32. Зайцев Б. Собр. соч. В 5 т. Т. 1. Тихие зори: Рассказы. Повести. Роман. – М.: Русская книга, 1999.
33. Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. – М.: Триволи, 1994.
34. Ильин И. Путь к очевидности. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1989.
35. Ительсон Л. Б. Лекции по общей психологии. – М. – Мн.: Харвет, 2002.
36. Калитина Н. Н. Французский портрет XIX века. – Л.: Искусство, 1985.
37. Камю А. Избранное. – Мн.: Народная асвета, 1989.
38. Коро. Художник. Человек. – М.: Изд-во Академии художеств, 1963.
39. Кузмин М. А. Избранное. – СПб.: Диамант, Золотой век, 1998.
40. Куприн А. Собр. соч. В 7 т. – М.: Худ. лит-ра, 1973.
41. Леонтьев А. Н. Избр. психол. произв. В 2 т. Т. 2. – М.: Педагогика, 1983.
42. Лермонтов М. Собр. соч. В 4 т. Т. 1–2. – Л.: Наука, 1979.
43. Лорка Ф. Г. Песня всадника. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
44. Мамардашвили М. Психологическая топология пути. – СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного ин-та, 1992.
45. Манин В. Куинджи. – М.: Изобразит. искусство, 1976.
46. Мережковский Д. Ангел одиночества. – М.: Летопись-М, 2000.
47. Моэм С. Бремя страстей человеческих. – М.: Эксмо, 2002.
48. Моэм С. Луна и грош. Театр. – М.: Правда, 1983.
49. Набоков В. Серия "Всемирная библиотека поэзии". – Р-на/Д.: Феникс, 1998.
50. Надсон С. Я., Фофанов К. М. Избранное. – СПб.: Диамант, 1998.
51. Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. Переводы. – М.: Правда, 1990.
52. Паустовский К. Собр. соч. В 8 т. – М.: Худ. лит-ра, 1966.
53. Прокофьев А. Собр. соч. В 4 т. – Л.: Худ. лит-ра, 1978.
54. Пророкова С. А. Левитан. – М.: Молодая гвардия, 1960.
55. Пруст М. В поисках утраченного времени. – СПб.: Кристалл, 2000.
56. Психологический анализ в литературном произведении. Ч. 2. Метод. материалы / Сост. Л. Н. Рожина. – Мн.: МГПИ им. А. М. Горького, 1991.
57. Пушкин А. Собр. соч. В 10 т. – М.: Худ. лит-ра, 1974.
58. Рождественский Р. Стихотворения. – Р-на/Д.: Феникс, 1993.
59. Рожина Л. Н. Включенность в художественную реальность как средство развития личности в процессе преподавания психологических дисциплин / Педагогика эстетической среды: теория и опыт. Российско-бел. сб. науч. ст. – Мн.: НИО, 2002.
60. Рожина Л. Н. Методика преподавания психологии. Ч. 1–2. – Мн.: БГПУ им. М. Танка, 2000.
61. Рожина Л. Н. Проблемы развития творческой личности в контексте концепции интегративного обучения. // Материалы Межд. науч.-практ. конф. "Психология образования сегодня: теория и практика". – Мн.: БГПУ им. М. Танка, 2003.
62. Рожина Л. Н. Психология человека в художественных образах. – Мн.: БГПУ, 1994.
63. Рожина Л. Н. Развивающие технологии обучения студентов // Психология. – 2000. – № 1.
64. Рожина Л. Н. Развивающие эффекты художественного познания психики человека // Психология. – 1999. – № 1.
65. Роллан Р. Жан-Кристоф. Роман. В 4 т. – М.: Правда, 1982.
66. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – М.: Педагогика, 1983.
67. Рубцов Н. Улетели листы. – М.: Эксмо-пресс, 1998.
68. Северянин И. Всемирная библиотека поэзии. Избранное. – Р-на/Д., 1997.
69. Северянин И. Избранное. – Смоленск: Русич, 2000.
70. Сент-Экзюпери А. Планета людей. – Мн.: Маст. літ-ра, 1976.
71. Соловьев В. Стихотворения и шуточные пьесы. – Л.: Сов. писатель, 1974.

72. Сологуб Ф. Избранное. – Л.: Сов. писатель, 1975.
73. Солоухин В. Избранное. – Р-на/Д.: Феникс, 1997.
74. Солсо Р. Когнитивная психология. – СПб. – М. – Мн.: Питер, 2002.
75. Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. – М.: Наука, 1972.
76. Старовойтенко Е. Б. Современная психология. – М.: Академический проект, 2001.
77. Тарковский А. Белый день. – М.: Эксмо-пресс, 1998.
78. Толстой Л. Н. Собр. соч. В 22 т. Т. 8, 9, 13. – М.: Худ. лит-ра, 1983.
79. Тургенев И. С. Собр. соч. В 15 т. Т. 1, 4, 11. – М.-Л.: Наука, 1968.
80. Тютчев Ф. Стихотворения. Соч. В 2 т. – М.: Худ. лит-ра, 1984.
81. Шмелев И. С. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. – М.: Худ. лит-ра, 1989.
82. Фет А. А. Вечерние огни. – М.: Наука, 1981.
83. Флобер Г. Госпожа Бовари. Воспитание чувств. – М.: Худ. лит-ра, 1971.
84. Фолкнер У. Романы и повести. – Мн.: Маст. літ-ра, 1986.
85. Франкоролли А. Россини. – М.: Правда, 1990.
86. Ходасевич В. Избранное. – Р-на/Д.: Феникс, 1993.
87. Хольт Р. Образы: возвращение из изгнания. Вып. 1. – Душанбе, 1971.
88. Цвейг С. Избранное. – Мн.: Уралджай, 1986.
89. Цветаева М. Сочинения. В 2 т. – Мн.: Народная асвета, 1988.
90. Черный С. Стихотворения. – М.: Летопись, 1997.
91. Шиффман Х. Ощущение и восприятие. – СПб.: Питер, 2003.
92. Шолохов М. А. Тихий Дон. Роман в 4-х кн. Кн. 1–2. – М.: Худ. лит-ра, 1968.
93. Хруцкі Іван. Альбом-каталог. – Мн.: Беларусь, 1989.
94. Negri R. Matisse and Fauves. – New York, 1975.
95. Feist P. H. Pierre Auguste Renour. 1841 – 1919 A dream of Harmony. Printed in Germany, Benedikt Taschen, 1993.